

Диво дивное

Мы говорим, что мы умны; старики спорят: "Нет, мы умней вас были". А сказка рассказывает, что когда еще наши прадеды не учились, наши деды не родились -- в некотором царстве, в некотором государстве жил-был охотник Ермолай. И пошел раз охотник Ермолай под вечер на заводи, уток пострелять. Хорошо. Засел он в камыше, дожидается, когда утки на чистую воду ночевать прилетят. Ждет-пождет; уж смерклось. Вдруг, зазвенели вверху утиные крылышки и села одна утица как раз посередине плеса, у которого Ермолай сидел, а кругом плеса тоже камыш со всех сторон. Ермолай примечает: вот-вот совсем стемнеет, вовсе ничего не будет видно; выцелил он эту утицу -- трах!.. А тут же из камыша с другой стороны плеса -- бац-бац -- по той же утке еще двое выпалили!

Поднимается Ермолай из камыша, и те, один и другой, в разных сторонах поднялись... Ермолай разделся, полез за уткой -- потому что, хоть и была с ним собака-Жучка, только она в воду лазить не любила, -- глядь: и те двое тоже за уткой бредут. Ермолай утку -- за голову, а те -- за крылья. Ермолай им: "Сделайте, -- говорит, -- милость, не беспокойтесь, утка моя!" А те спорят: "Нет, -- каждый говорит, -- это я ее убил!.." Между прочим, вода холодная: долгого спора выдержать никак невозможно. И порешили они трое на том, чтобы с этой уткой поступить по-охотничьи: тому ее отдать, с кем чуднее диво приключилось.

Вот разложили они на берегу костерок, и начал старший из чужих охотников первым рассказывать:

"Было у меня, господа товарищи, три сына, и ходил я с ними на охоту. Раз охотились мы целый день, убили трех уток и, как пришел вечер, задумали в лесу ужинать: развели огонь, ощипали-выпотрошили уток, сварили их и только было за них приняться собрались, вдруг, из лесу старичок выходит: "Хлеб-соль, люди добрые!" "Милости просим". Старичок подсел, трех уток съел да старшим моим сыном закусил... Стало у меня только двое сыновей. Утром пошел я с ними на охоту; убили мы трех уток и ввечеру только было собрались ими поужинать -- опять старичок идет: "Хлеб-соль, господа!" "Милости просим". Старичок подсел, трех уток съел да средним моим сыном закусил... Остался у меня только один сын. Переночевали мы, а утром опять на охоту; убили трех уток, ввечеру сварили их и только было ужинать собрались, как тот же самый старичок идет: "Хлеб-соль, молодцы!" "Милости просим". Старичок присел, трех уток съел да младшим моим сыном закусил... Остался я один как перст. Пошел домой. Прихожу в избу, а сыновья мои, все трое, на полатях

лежат живы-здоровы..."

"Ну, твое диво еще не Бог-весть, какое, -- говорит другой охотник, -- мое куда почуднее. Женили меня родители на одной девице, собой очень прекрасной. Только, по времени, стал я замечать за женой: чуть я засыпать стану, она -- прыг с кровати, и нет ее долго-долго... Дальше-больше. Вижу: она в горшочках зелья разные варит, что-то над ними бормочет... И притом вдруг оказался у нее хвост. Эге, -- думаю, -- вот оно что!..

Раз ночью, как ушла она с кровати, я потихоньку за ней. Смотрю: она у печки села на помело, хлебнула чего-то из горшочка и только что взвилась в трубу, а я ее цап за ногу... "А, -- говорю, -- так ты ведьма!.." Она ничего, опустилась вниз из трубы, а как стала на землю, кинулась вдруг в угол, ухватила оттуда какую-то ветку: "Был, -- говорит, -- ты мужиком, стань черным псом!" Да меня веткой -- хлысь... И вдруг обернулся я пребольшим черным псом, и выгнала меня моя баба на двор, чтоб я дом стерег. Сижу я утром на завалинке и думаю: "Авось жена опомнится, сделает меня по-старому человеком". Куда тебе! Только и милости от бабы, что невзначай отворит окно да ошпарит тебя кипятком, а кормить, совсем не кормит, хоть с голоду околевай. Нечего делать: вижу, что бабе меня совсем извести хочется -- а у меня хоть вид собачий, да ум-то человеческий -- и убежал я из своего дома, к одному барину прибился. Здесь мне житье стало, что лучше и не придумать: как сыр в масле я катался за свой человеческий разум. Бывало, начнет меня барин гостям показывать: сколь я все хорошо понимаю -- дивятся все, всякий мне самый лакомый кусок в зубы сует. А все-таки соскучился я по дому: "Дай, -- думаю, -- жену проведу". И улизнул от барина. Прибежал домой: "Ох, ты, постылый! -- говорит жена. -- Не пропал еще!.. Был ты черным псом, так будь же серым воробьем!" Да сама меня прутом вдоль спины -- хлысь!.. Обернулся я серым воробьем и улетел в поле. Пришла зима холодная, трудно кормиться: есть хочется, а корму нет и достать негде. Вдруг вижу я: стоит при дороге птичья западня. "Дай, -- думаю, -- залезу в нее: все, может быть, у людей в избе лучше будет". Поймали меня ребяташки, принесли в избу и показывают отцу: "Ишь, тятя, какого мы воробья поймали". А отец-то их был хороший знахарь; посмотрел на меня и говорит: "Да, это воробей занятный!" Посадил он меня на ладонь, дунул-плюнул -- и обернулся я по-прежнему человеком... Дает мне знахарь веточку: "Ступай, -- говорит, -- несчастный, к тому, кто тебя так заморозил, и ударь его этой веткой: увидишь, что будет". Я сейчасживо домой; вскочил в избу да как вытяну свою ведьму-жену веткой -- вмиг обернулась она кобылицею... Наэтой кобылице я и сейчас земляпашу. Пойдемте со мной --сами ее увидите". Усмехнулсяохотник Ермолай. "Было,--говорит,-- с тобой, братец, дивонемалое; только, против моейистории твоя тоже ничего не стоит. "Да, -- говорят оба чужие охотника, -- это здорово; надо признаться, что

сказываешь ты по-охотнички! Твоя утка".

Хвать-похватъ, а утки-то и нет: ее давно Ермолаева Жучка утащила в камыш и слопала. Сидит да облизывается...